

«Горбунъ», «Расправа», «Блаженненькая», «Имянины сельскаго дьячка», и т. д.). Не говоря о томъ, что пьянство само по себѣ есть несчастная физическая и нравственная болѣзнь, оно производитъ страшное разрушеніе во всемъ быту, разоряетъ семьи, подавляетъ въ человѣкѣ разумъ и нравственное чувство. Левитовъ не входитъ въ разсужденіе о томъ, откуда идетъ это явленіе и чѣмъ можно было бы помочь этой народной бѣдѣ; но онъ не закрываетъ глазъ отъ того, что видѣлъ (и что всякій желающій можетъ видѣть) на каждомъ шагѣ; только въ нѣсколькихъ отдѣльных случаяхъ онъ дѣлаетъ попытку, такъ сказать психологіи пьянства и указываетъ въ «запивоухѣ» не всегда дурного, но нерѣдко несчастнаго человѣка, который не знаетъ другого выхода изъ своего бѣдственнаго положенія, кромѣ извѣстной торной дороги... Писатели, какъ Левитовъ, касавшіеся этой черты народнаго быта въ ея дѣйствительныхъ размѣрахъ, нерѣдко подвергались осужденіямъ: имъ приписывали любовь къ грязи, ихъ обвиняли въ желаніи видѣть только темныя стороны народной жизни и преувеличивать ихъ, даже просто въ клеветѣ на народъ. Насколько эти обвиненія несправедливы, можно видѣть уже изъ того, что само правительство въ послѣдніе годы подняло вопросъ, и спрашивало «свѣдущихъ людей», о мѣрахъ въ уменьшенію народнаго пьянства, — хотя питейный сборъ составляетъ очень важную статью государственнаго бюджета. Писатели просто не могли обойти этого предмета, потому что онъ въ дѣйствительности занимаетъ слишкомъ крупное мѣсто въ нашей «національной жизни».

Наблюденіе протонароднаго быта, особливо въ городскомъ пролетаріатѣ, оставляло въ писателѣ самое мрачное впечатлѣніе; онъ не разъ высказывалъ его въ лирическихъ отступленіяхъ.

«И оно, — говоритъ онъ въ разсказѣ «Аркадское Семейство», — это безалаберное море безалаберныхъ дѣлъ людскихъ — шумно катится предъ глазами моими, одинаково безправно топящее и безправно выносящее на берегъ ловцовъ своихъ. Привыкли глаза мои не слѣпнуть отъ ослѣпляющаго блеска волнъ того моря, — уши мои не гложуть отъ грохота, и если что-нибудь иногда мѣшаетъ моему обыкновенному, постоянному занятію смотрѣть на это море и думать о немъ, такъ это только выраженное уже мною желаніе физической силы, чтобы, съ одной стороны, помочь какому-нибудь храброму и честному пловцу жизненнаго океана, который спасши менѣе сильныхъ, самъ тонетъ теперь, теряя послѣднія силы; съ другой, чтобы стукнуть въ лобъ негодяя, который изъ труповъ, утопленныхъ имъ, сдѣлалъ себѣ широкій, покойный плотъ и съ улыбкой добродѣтели подѣхалъ на немъ къ мирному берегу... Но и безъ меня невинное спокойствіе этой физиономіи самымъ гнуснымъ образомъ исковеркается и ужаснется при видѣ чорта, который неизбежно встрѣтитъ ее въ жаркой банѣ ада... (т. II, стр. 116).